

циональных литератур, поднятие общего культурного уровня народных масс, ознакомление их друг с другом, более тесное сотрудничество в общероссийской работе, вот те факторы, которые в будущем приведут народы российского мира к новой Молодой Союзной Империи.

С. Хатаев.

Библиография

«ЖИВОЕ ПРЕДАНИЕ» — (Православие в Современности), Париж, 1937.

Участники сборника ставят своей целью творчески явить «Православие в современности», вскрыть проблематику нашей эпохи, таящую «свое собственное постижение Откровения». Но что такое «собственное» для каждой эпохи «постижение Откровения», как не некоторое ограниченное восприятие Истины, зависящее от тех или иных умонастроений данной эпохи, национальных, культурных и иных особенностей, — «idiotismoi» — той или иной среды, неизбежно искажающих постижение сверхприродного Откровения, сводя его к природным, «по стихиям мира сего», представлениям? Вспомним хотя бы столь типичный для эллинского ума оригенизм, или наше старообрядчество, укорененное в особенностях Русского духа. Церковь на протяжении всей Своей истории боролась против этих «собственных» постижений, дабы не Откровение сводилось к природным свойствам нашего ума, но обратно, чтобы наш ум возводился к полнейшему восприятию Откровения, изменяясь, преображаясь, становясь постижение сверхприродным.

Участники сборника сознательно ищут именно этих ограничений, «особенностей»; вещь в истории неслыханная. Действительно, трудно представить себе, чтобы Ориген ставил своей целью построение «эллинского богословия» или Эома Аквинский

намеревался бы выразить дух «латинского средневековья». Современный мир являет, однако, немало подобных сознательных тенденций, — например, в попытках создать «арийское» восприятие христианства в Германии или «живую» церковь в Советской России. Представители «Парижского богословия» в своем сборнике «Живое Предание» задаются, повидимому аналогичной целью, явить «свое», «современное», как они думают вместе с живоцерковцами, Православие. Для этого приходится систематически, в ряде статей, релятивизировать Церковь, подрывая Ее неизменное, не зависящее от каких либо культурно-исторических факторов, значение.

Прот. С. БУЛГАКОВ, («Догмат и догматика») и А. В. КАРТАШЕВ («Свобода научно-богословских исследований и церковный авторитет») отрицают возможность несомненного постижения Истины в Церкви; первый — ограничивая его семью Вселенскими Соборами и относя все дальнейшие догматические утверждения Церкви к области «теологуменов»; второй — пытается доказать историческими примерами изменчивость Церкви в вопросах учения.

И. ЛАГОВСКИЙ («Возвращение в отчий дом». Номинализм или реализм в богословии) видит раскрепощение православного богословия от ига «номинализма» (?) в безусловном приятии софиологической доктрины о.

С. Будгакова, которую пытается защищать, проявляя при этом сбивчивость мысли и крайнее невежество. Статья эта из всего сборника, безусловно, самая слабая по своему культурному уровню.

В. В. ЗЕНЬКОВСКИЙ («Проблема космоса в христианстве») хочет строить христианскую космологию, исходя из учения об идеальной основе мира, видит неразрешимые трудности своей задачи (тварность этой идеальной основы, вопрос о дисгармонии и зле в космосе, и т. д.) и в недоумении останавливается перед ними, ожидая нового слова от дальнейшего развития все той же софиологии, вместо того, чтобы попытаться освободиться от «наследия античной философии», в виде неоплатоновских учений, которые он напрасно приписывает космологии отцов. Плененность богословской мысли той или иной философской установкой неизбежно приводит к неразрешимой, ибо ложной, проблематике.

Н. Н. АФАНАСЬЕВ («Неизменное и временное в церковных канонах») утверждает неизменность канонов в пределах их исторической эпохи, т. е., иными словами, эту неизменность деликатно отрицает.

В. Н. ИЛЬИН («О творчестве») до конца додумывает халкидонский догмат и договаривается до «премирного» сопребывания Творца и твари, которое обозначает словом «Боготварность». К сожалению, статьи, защищающие против кого то «творчество», чаще всего отличаются крайней хаотичностью мысли.

Г. ФЕДОТОВ («Древо на камне») плетет красивые, пожалуй слишком тонкие стилистические кружева, неуверенно защищает гуманизм, находя в нем благовестие новых идей, — свободы и личности, которых не знает будто бы

Церковь. Неразрывно связав Церковь с «христианской культурой», вида крупнейшей последней, автор приходит к выводу, что Церковь, раньше питавшая мир, теперь должна Сама искать питания в гуманистическом творчестве мира.

Л. ЗАНДЕР («И согласно славим все святого Духа. О сущности экуменического движения») отлично понимает, что «экуменизм» могут защищать только церковные релятивисты, для которых «все церкви истинны и сперегородки до неба не доходят»; упасть в релятивизм он не хочет, а отказать от «экуменизма», почему то, никак не может. К счастью, Русская религиозно-философская литература обладает магическим словом для разрешения всех нетелых положений; слово это — «сантиномия». В основе «экуменизма», по Л. Зандеру, должны лежать два несовместимых принципа: конфессионализм и воздержание от прозелитизма; «сантиномия» между ними разрешается в порядке «экуменического чуда».

АРХИМАНДРИТ КИПРИАН («Левитство и пророчество, как типы паствырования») противопоставляет «старобрядчески-левитскому» — «дерзновенно-пророческий» образ паствы, «сталмудическому» уставу — от сердца идущее «настроение». Основой истинного паствыства должны быть благодатные Дары Пятидесятницы, в частности, пророческая харизма. Но если так, то одно из двух: или Дары Святого Духа ограничиваются одной лишь церковной иерархией, что было бы крайним выражением именно «левитства», или же, если Они принадлежат всем в Церкви, пришлось бы отрицать церковную иерархию. Как формальный, не зависящий от личных даров, институт, и проповедывать общее священство всея «Пророческая» публицистика обы-

но восстающая против начала форм в Церкви, «ниспровергая основы», тем самым свидетельствует, что происходит она «не от силы Духа, а от иступления ума» (св. Григорий Богослов), т. е. от «настроения» и притом исторического.

АРХИМАНДРИТ КАССИАН («Церковное предание и Новозаветная наука») дает интересный очерк эволюции либеральной протестантской науки, возвращающейся в наше время к свидетельствам Предания. Пытаясь обосновать православный метод новозаветных исследований, архим. Кассиан предлагает исходить из свидетельства Предания, которые должны иметь всякий раз значение, по крайней мере, рабочей гипотезы для историка. К сожалению, при неясном определении Предания, поставленном в связь с еще более неясной «соборностью», при отрицании учительного значения за епископатов, «верность Преданию» получает весьма произвольное значение.

Б. СОВЕ («Евхаристия в древней Церкви и современная практика») проявляет большую эрудицию, внимательность к прошлой и настоящей литургийной практике Церкви, осторожность и меру в суждениях. Досадно, что некоторый отпечаток парижского «живоцерковства» лежит и на нем: Б. Сове видит корень охлаждения евхаристического благочестия во введении тайного чтения анафоры, в усугублении мистерияльного момента литургии, нарушившего будто бы первоначальное единство клира и мирян в «общем деле». Но иерархичность не исключает этого единства; требования же «творческого» участия общины в

евхаристической жертве отзывает федоровщиной, столь распространенной в живоцерковных кругах современной России. Справедливо отмечая евхаристическое возрождение в Русской Церкви, Б. Сове мог бы одновременно заметить, что оно сопровождается там возвышением значения церковной иерархии в сознании верующих.

В заключение, вынося общее суждение о сборнике, приходится признать, что он выполняет свою цель: достаточно ярко явлено «собственное» для нашей эпохи «постижение Откровения» сквозь призму предания, живого не столько Духом Святым, животворящим Церковь, сколько человеческим творчеством.

Но чем же тогда, по существу, Церковь отличается от мира?

В. Лосский.

«ЛИТЕРАТУРНАЯ СРЕДА». Сборник белградских поэтов*).

«Литературная среда» — тощий сборничек стихов, в котором представлены одиннадцать белградских поэтов. Можно сразу оговориться, что почти все в этом сборнике стоит на и з в е с т н о м уровне стихотворной культуры.

И это может удивить, — в Белграде не было и нет крупных литературных сил. Литературному молодняку не у кого учиться. Нет ни критиков, ни поэтов, в общении с которыми можно бы выправлять и развивать свой вкус. Молодые поэты предоставлены в Белграде самим себе.

В этом отношении, в наиболее благоприятных условиях оказались парижане. Группа парижских молодых поэтов развивалась, в смысле стихотворной культуры и вкуса, под непосредственным влиянием таких поэтов

*) Автор настоящей рецензии чужд политическому настроению группы «Русского Временника», но его сотрудничество, в области литературной критики, представляется редакции чрезвычайно ценным.

РЕДАКЦИЯ.

и критиков, как Г. Адамович, Вл. Ходасевич, Г. Иванов. И нужно признать, что эти поэты старшего поколения, конечно, не приумножив талантов, во всяком случае, хотя бы в развитии вкуса и техники стиха, сослужили молодым поэтам немалую службу.

Возвращаясь к сборнику, можно прибавить к сделанной выше оговорке, что очень немногие стихи в нем возвышаются над уровнем средней литературной грамотности. Почти все течет гладко, не задерживаясь в читательском сознании, не задевая внимания.

Возраст участников «Литературной среды» колеблется от 27 до 40 лет.

Три имени хорошо известны в парижских литературных кругах. Е. Таубер, И. Голенищев-Кутузов и А. Дураков, — все трое участвовали в парижском «Перекрестке». Е. Таубер и Голенищев-Кутузов заведуют многими зарубежными изданиями.

Илья Голенищев-Кутузов, не только ученик, но друг Вяч. Иванова, не столько у своего учителя научился, сколько перенял. И в редких пьесах от этого подражания освобождается. Тот же словарь, та же торжественность, тот же «высокий стиль», те же архаизмы и постоянная апелляция к эрудиции. Даже биография поэта внешне схожа с биографией учителя — И. Голенищев-Кутузов не только поэт, но и ученый.

Илья Голенищев-Кутузов, при удаче, пишет почти, как Вяч. Иванов, и не хватает ему как раз того, что делает В. Иванова большим и замечательным поэтом современности.

Он вправе сказать о себе: «гимны», именно «гимны», — «новые, как встарь велеречивы». Насчет «велеречивости» сомнений при чтении его стихов не возникает. Но новы ли они? — В этом позволительно усомниться.

В эпоху символизма, может быть, «звучали» все эти «свершения», «созревшие сроки» и «роковые черты». — теперь же они, по совести, сильно пахивают мертвечиной.

«Мы встретимся в последнем
страшном круге
У роковой черты...»

Неотделимо у поэта это тяготение к космическим, планетарным масштабам. Видит он себя не иначе, как «среди огненных созвездий и гремящих сфер», где ему является, уж конечно, «в самой крайней бездне ясный люцифер». Дальше идут: «радуга планеты», «пламенная грудь», «сдержанный путь» и т. д. И все это в одном стихотворении.

И, за всем этим, ни оядно живой человеческой интонации!

Недоумеваешь, как такой опытный поэт, а Голенищев-Кутузов совсем не новичек в литературе, жонглирует такими стертими пятаками.

Е. Таубер, поэтесса несомненно одаренная, к сожалению, в рецензируемый сборник дала не лучшие свои стихи.

В ее книге «Одиночество» есть такие прекрасные и сильные пьесы, как «Панчево», или стихотворение, посвященное В. Брюсову, или «Я тебя никогда не встречала», с заключительной строфой:

«Мой последний оплот и ограда,

Русь, к тебе, врачевателю ран, —

Бесноватую Иродиаду

Только ты исцелишь, Иоанн.»

В этих стихах чувствуется поэт уже нашедший себя.

Алексей Дураков после парижского «Перекрестка» в печати не появлялся, — а жаль. Дураков учился у Ходасевича и многому выучился. Технически стихи его далеки от совершенства, подчас раздражает в них какая-то детскость, наивность образов и тем, или небрежность языка, вроде «стекает лужа».

Но стихи у него яркие и крепкие. Есть в них очаровательная легкость и поднозвучность. Прочна в них, подлинна и ярка сама их словесная ткань. Из Дуракова мог бы выработаться незаурядный поэт, у него есть для этого данные.

«Нав кто то вдруг вздохнет
глубоко

И запоет от вздохов мгла —
Как будто, где то недалеко
Ты утомленная прошла.»

или

«А ты, душа, в иной пучине,
На непонятной вышине,
Ты будешь ли вздыхать, как ныне,
О тесном и телесном сне.»

или еще

«О, тело! Ты едва ли знаешь
О чарах, что таятся в ней,
Ты и в любви не поспеваешь
За легкою душой моей.»

Не обошлось в сборнике и без курьезов.

Игорь Гребенщиков, видимо, кроме поэзии, в качестве студента сельскохозяйственного, занимается агрономией и об этом сообщает в таких стихах:

«Спужу, антаю книгу толстую
И изучаю агрономию.

По книге сонно мухи ползают,
Хотят залезть на физиономию.»

Стихотворение называется «Перед экзаменом». И хочется пожелать автору всяческих успехов... на агрономическом поприще.

Но лучшие стихи в сборнике, на мой взгляд, Владимира Гальского.

Гальский очень молодой поэт. Нельзя сказать, что все четыре его стихотворения, помещенные в сборнике, безукоризненны или вполне хороши.

К сожалению, они страдают недостатками формы. Гальскому мешает еще суетное стремление к метафоре, за что он бывает наказан. В прелестном стихотворении, посвященном княжне В. В. Голицыной, есть такая строфа:

«За рулем бурлила и кипела
Пенных брызг седая борода.»

Бурлящая и кипящая борода производит комическое впечатление и портит все стихотворение. Еще случайны и неточны у поэта эпитеты.

Но в стихах у Гальского есть то, что заставляет отнестись к нему с боль-

шим вниманием. У него есть свой голос. Своя мелодия, с очень грустными подлинно лирическими интонациями. Есть в его стихах благородная простота и женость. Его стихи «лохотят» и убеждают. Они запоминаются. После них остается какой то очень теплый, очень грустный лирический след. Все это — свидетельство о подлинной поэзии. Гальскому хочется пожелать много и серьезно поработать и над самими собой и над своими стихами. В доказательство сказанного приведу два его стихотворения:

«С каждым днем твое смуглело
тело,

С каждым днем теплей была вода,
За рулем бурлила и кипела
Пенных брызг седая борода.

Обжигал тяжелый и бесстрастный
Южный ветер, зноем налитой,
И менялись гальсы так согласно,
Паруса косые, мой и твой.

Ивы гибкие склоняли спины,
Зыбью мягкой морщилась река.
Тонкая, в одежде светло-синей,
Ты была близка и далека.
Ты любила не меня, а лето,
Небо, солнце, воду и простор:
Как пылал в тот год обильем света
Лучезарных высей синий горн.
А когда к змие река мелела
И прозрачней стали небеса,
Ты ушла, и в сердце опустелом
Я свернул сырые паруса.»

«Где темно-бурые листья каштана,
Как странных птиц следы на
белой пыли,

Где проплывают черным караваном
Сухим руслом шоссе автомобиля,
Я все стою на пыльном перепутьи,
Тяжелым застывая созерцаю, ем,
Лоя в подвижном плюшевом уюте
Далекой жизни тусклое мерцанье.
В прорезах сумрачных холодных

окоп

Шевелятся беззвучной речью губы,
Лучем случайным вспыхнет чай то

Зажгутся глаз непедомые глубин,
Хочу узнать, куда их путь уносит,
Хочу кричать, чтобы остановились.
Но сам для них я только бледный

В холодной дымке подорожной

Алексей Бекчевев.

ВЕСТНИК СОЮЗА ТЕХНИЧЕСКИХ СИЛ — Ежемесячный Технический журнал. Издание Союза Технических Сил. Париж.

Союз Технических Сил — организация, объединяющая Русских инженеров и техников, находящихся за рубежом и созданная по инициативе инженеров Штенгера, Отфиновского и Васильева, выпускает, под редакцией инж. Штенгера «Вестник Союза Технических Сил». В настоящее время вышло уже четыре номера.

С большим умением подобранный материал по вопросам техники, как у нас на родине, так и в других странах, делает журнал интересным не только для специалиста, но и для широкой публики.

Объективная, деловая оценка развития Русской техники и роста родной промышленности, даваемая в «Вестнике» компетентными инженерами, несомненно поможет лицам, интересующимся сегодняшним состоянием нашей родины, составить более полную картину общего положения страны.

Журнал поставил своей целью — содействовать поднятню квалификации Русских инженеров, разбросанных по разным странам и предлагает использовать свои страницы для обмена опытом и знаниями и изучения проблем стоящих перед Русской техникой, чтобы во всеоружии знаний включиться в работу своих товарищей на родине в ту минуту, когда это станет возможным.

«Вестник С.Т.С.» является первым Русским техническим журналом за рубежом, в этом одном уже цельность нового начинания и приходится только пожалеть, что на его страницах почти не видно имел представителя старшего поколения Русских инженеров.

В большинстве случаев издания, печатаемые на ротаторах, крайне трудны для чтения, но этого нельзя сказать о «Вестнике С.Т.С.» — журнал издан аккуратно и тщательно, с большим вкусом и умением.

Надо надеяться, что столь полезное издание найдет самую широкую поддержку среди Русских инженеров. Обратим внимание на то, что страницы журнала открыты не только для статей по вопросам чистой техники, но равным образом и для обсуждения всех вопросов, так или иначе с ней связанных.

Считаем полезным сообщить адрес редакции «Вестника С.Т.С.»:

Mг. P. Wassilieff, 10, rue de Florence, Paris, 8. С. Буладель

Вышла в издательстве

« LES EDITEURS REUNIS »

и поступила в продажу интересная книга

Льва Закутина

„О чувстве и чувственности“

(философский этюд)

Подробная рецензия будет дана в № 3 «Русского Временника».

Le Gérant: Robert Mayette. Imp. 3, imp. Crozatier, Paris, 13.